

Кузнецкие дни Федора Достоевского

Леонид СЕРБИН

О тем, не менее факт остается фактом — размолвки и разлады в семейной жизни молодоженов начались скоро и так никогда и не стадились. Уже через несколько месяцев Достоевский пишет той же В. Д. Константину очень мрачные строки: «Знаете ли, у меня есть какой-то предчувствие, что я скоро должен умереть. Такие предчувствия бывают почти всегда от мнительности: но, уверяю вас, что в этом случае совершенно не мнителен и уверенность моя в близкой смерти совершенно хладнокровная. Мне кажется, что я уже все прошел на сеете и что более ничего и не будет, к чему можно стремиться».

Странно, что никто, кажется, из писавших о первом браке Достоевского не указал на истинные причины того, почему он оказался неудачным. Федор Михайлович — и в этом-то, может быть, ярче всего проявились те его мещанские черты, впитанные с материнским молоком, о которых говорила Штаконшиндер и которые в сфере мысли и творчества совершенно подавлялись глубиной его гения, — равенства в любви не признавал. Рыцарское преклонение перед любимой женщиной парадоксально сочеталось у Достоевского с требованием безусловного духовного подчинения женщины ему, даже растворения, так сказать, ее личности в нем. В многочисленных своих позднейших выпадах против женской «эмансипации», духовной самостоятельности женщины писатель теряет даже остроумие, которое вообще-то отличает его полемическую борьбу против враждебных ему взглядов, даже когда он явно несправедлив.

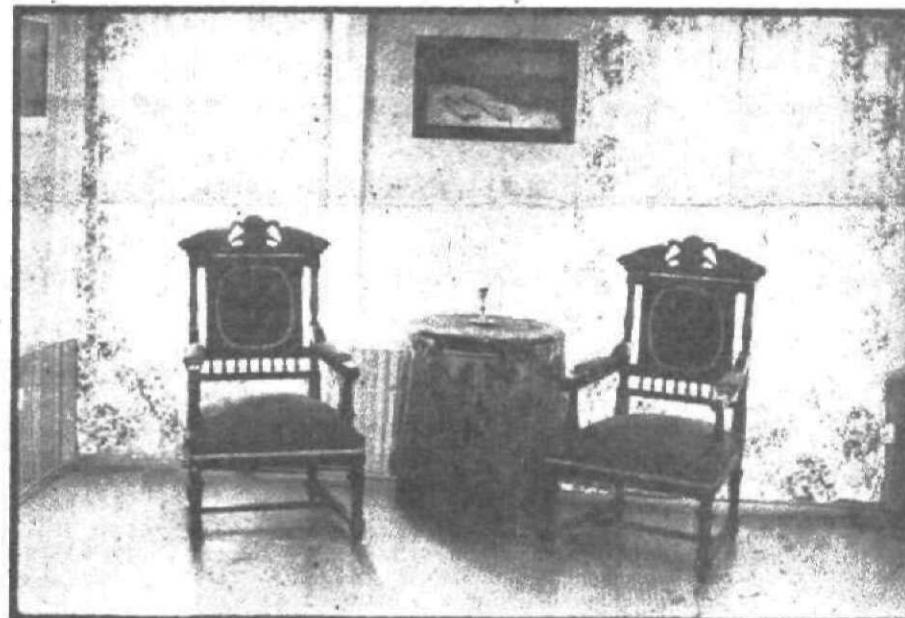
Ведь второе супружество Федора Михайловича потому и оказалось счастливым, что Анна Григорьевна Сниткина очень охотно «расторпилась» в заботах о муже и семье/ от всяких самостоятельных взглядов начисто отказалась и, в конце концов, по чьему-то остроумному замечанию «превратилась в контур по изданию сочинений Достоевского».

Когда же Федор Михайлович встречал женщину иного душевного склада, происходила драма. Так позже было с Аполлонией Сусловой, так было и с Исаевой.

Мария Дмитриевна к «кругому» типу никак не относилась. Она и по характеру была человеком сильным, гордым, а тяжелая жизнь приучила ее особенно и даже навязчиво подчеркивать свою самостоятельность. «Расторпяться» даже в человеке, которого она искренне любила, она не могла. И когда Достоевский убедился в этом, он нагло отторгнул ее от главного в себе — от своей духовной, творческой жизни.

Будь Мария Дмитриевна просто недалекой и малообразованной провинциалкой (образ, создавшийся в воображении второй жены Достоевского), она бы просто не заметила этого. Будь ее духовный мир хоть как-то сомасштабен интеллекту писателя, может быть, ей хватило бы силы войти в грандиозный творческий мир писателя. Этого не произошло. И в то же время Мария Дмитриевна была достаточно умна, чтобы понимать, что мир этот огромен, что для ее мужа он — главный и что ей входа в него нет. И здесь источник мучений Марии Дмитриевны, порой страшно ожесточавших ее против мужа.

И все-таки после смерти Марии Дмитриевны он вспоминал о ней с пронзительной болью, горчайшим сожалением о том, что так страшно исковеркало себя сильное и глубокое чувство: «Другое существо, любившее меня, и которое

я любил без меры, — пишет Достоевский старому другу Брангелю, — жена моя, умерла в Москве, куда переехала за год до смерти своей, от чахотки. О, друг мой, она любила меня беспредельно, и я любил ее тоже без меры, но мы не жили с ней счастливо... Несмотря на то, что мы были с ней положительно несчастны вместе... мы не могли перестать любить друг друга, даже чем несчастнее были, тем более привязывались друг к другу... Когда она умерла, — я хоть мучился, видя (весел год), как она умирает, хоть и ценил и мучительно чувствовал, что хороню с нею, — но никак не мог вообразить, до какой степени стало больно и пусто в моей жизни, когда ее засыпали землею».

ОДНАКО далеко пока до этого трагического письма. Как бы ни отличалась реальная семейная жизнь Федора Михайловича от той идеальной, которую он представлял себе до женитьбы, был его все же вошел в определенную и с течением времени, устоявшуюся колею. Сравнительно спокойный «темпоритм» последних семипалатинских лет Достоевского заметно отличается от судорожных первых. Эти годы почти лишены внешних драматических моментов. Писатель наконец получает возможность отдавать свои силы преимущественно главному делу жизни — литературному творчеству.

Федор Михайлович рассчитывал, что его пребывание в Сибири теперь не задержится, и вроде бы имел на это основание: летом 1857 года ему были возвращены дворянские права. Об этом знали люди, интересовавшиеся судьбой писателя-изгнаника. Герцен сообщал из Лондона Н. П. Щепкину, сыну великого актера: «Спешнев и Достоевский прощены». Но и «прощенный» Федор Михайлович не имеет пока возможности оставить службу, покинуть Сибирь. Надежда новая — в, который уж раз — сменяется разочарованием, и Достоевский подумывает о том, не начать ли искать в здешних краях какую-нибудь доходную частную службу — например, у золотопромышленников.

Бедность продолжалась. Федор Михайлович благодарит брата Михаила за присланые фрак и брюки, но жалеет, что прислан фрак, а не сюртук — сюртук практичнее, он необходим, а денег на то, чтобы сшить его в Семипалатинске, сразу не наберешь. Писатель надеется на будущие литературные заработки. «Я могу заработать без труда большого несравненно: больше шести сот рублей в год», но вопрос о разрешении печататься все еще не совсем ясен. Правда, в августовской книжке «Отечественных записок» за 1857 год

появляется неожиданно для автора его «Детская сказка», написанная восемь лет назад в Алексеевском равелине и тогда же переданная Краевскому. Но появилась она под названием «Маленький герой» и подписана псевдонимом «М-ий». И вовсе не сочувствие к так много перенесшему писателю заставил издателя-коммерсанта Краевского опубликовать этот рассказ при первой возможности: просто он помнит, что Достоевский с докторажных времен должен ему некоторую сумму, и долга списывать не собирается. Кстати, Федор Михайлович свою работу на Краевского с полным основанием на то называл тоже каторжной. Вечно нуждавшийся молодой писатель не вылезал из долгов у умелого журнального предпринимателя».

Два последних семипалатинских года были для Достоевского временем напряженной подготовки к окончательному возвращению в литературу. Это возвращение помимо всех прочих причин было нелегким и потому, что оборвались связи писателя со столичными редакциями и восстанавливать их было не просто. «Не знаю, куда послать. Редакции журналов теперь для меня большей частью не знакомы», пишет он Евгению Якушкину.

В СЕМИПАЛАТИНСКЕ работа Достоевского над «Записками из Мертвого дома» уже вышла из первоначальной стадии фиксации материала и предварительных набросков. П. П. Семенову писатель читал уже законченные главы и пересказывал содержание ненаписанных. И, естественно, что в первую очередь просилось на бумагу именно увиденное, пережитое и передуманное на каторге. Но было ясно, что прорваться в печать с таким произведением литератору, которому только что «возвратили имя», — дело безнадежное, и Федор Михайлович на время откладывает «Мертвый дом». В письмах своим корреспондентам он упоминает о романе, «величию с Диккенсовым романом», над которым он работает. «Это длинный роман, приключения одного лица, имеющие между собой цельную общую связь, а между тем состоящие из совершенно отдельных друг от друга и законченных само по себе эпизодов. Каждый эпизод составляет часть. Так что я, например, очень могу помешать по эпизоду, и это составит отдельное Приключение или повесть... Роман состоит из трех книг, каждая листов в 20 печатных и из нескольких частей». Именно о публикации этого романа сначала и шла речь в переговорах с Катковым.

Но постепенно Достоевский оставляет и этот замысел. Причин он называет две: не хочется торопливой рабо-

той портить хороший план и не хватает знания деталей современной жизни России — их на берегах Иртыша не получишь. От этого романа не оставалось вроде бы никаких следов, однако вполне возможно, что его части вошли в другие произведения писателя, в частности, может быть, и «Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково» представляют собой его фрагменты, «отдельные приключения» (в конце «Дядюшкина» сказ, например, говорится, что повесть является «первым отделом» «летописи»).

ВСКОРЕ Достоевские прощаются с Сибирью и уезжают в Россию. Здоровье Марии Дмитриевны, подорванное нуждой и болезнью, становится все хуже.

Весной 1864 года резко обострился недуг брату:

«Вчера с Марией Дмитриевной сделалась решительный припадок: хлынула горлом кровь и начало заливать грудь и дышать».

Через день, шестнадцатого апреля, Мария Дмитриевна скончалась.

В день смерти жены в записной книжке писателя появляются такие слова: «16 апреля. Маша лежит на столе. Увижу ли я с Машей? Возлюбить человека как самого себя, по заповеди Христовой, невозможно».

Вся история, как человечества, так отчасти и каждого отдельно, есть только развитие борьбы, стремление и достижение цели...»

Вскоре Федор Михайлович, не в силах справиться с постигшим его горем, уезжает за границу.

Из воспоминаний А. Е. Брангеля: «3 марта 1865 года. Написал Федору Михайловичу и просил его приехать ко мне в Копенгаген, где я проводил отпуск с семьей. Он был у меня 1 сентября, прожил неделю, очень понравился моей жене и много возился с двумя моими детьми. Я нашел его похудевшим и постаревшим. Очень радостна была наша встреча: всплыли, конечно, воспоминания о Сибири, о наших сердечных увлечениях...»

Много говорили и о покойной Марии Дмитриевне, и о красавице Марии О., которую так ревновала к нему его жена.

Невольно в откровенной, дружеской беседе коснулись и его прежней семейной жизни, мне непонятных и по сию пору взаимных отношений супругов.

Как-то в одном из писем ко мне, он говорил: «Мы были положительно несчастливы оба, но не могли перестать любить друг друга, даже чем несчастнее были, тем более привязывались друг к другу».

При личном свидании в Копенгагене он вновь подтвердил мне это. Я никогда не предвидел в этом браке счастья для Достоевского. Все страдания, вся обуза, что он взвалил на свои плечи, на долгое время лишили его душевного покоя. Не раз в Семипалатинске я старался отрезвить Федора Михайловича от его любовного психоза к Исаевой, но он и слушать не хотел: для него Мария Дмитриевна, тогда рисовалась в каком-то лучезарном ореоле.

Междуди прочно, нашей беседе в Копенгагене Достоевский высказал свой взгляд на женщин и дал мне поучительный совет: «Будем всегда глубоко благодарны за те дни и часы счастья и ласки, которые дала нам любимая нами женщина. Не следует требовать от нее вечно жить и только думать о вас, это недостойный эгоизм, который надо уметь побороть».

Печаталось в значительном сокращении. Полный текст работ Л. Сербина редакция газеты «Кузнецкий рабочий» передала в музей Ф. М. Достоевского.